

ли покрыты густым слоем копоти. В большинстве находки баночных сосудов из земли украшены наклепными валиками, по которым нанесены пальцевые вдавливания. Так, обломок баночного сосуда, венчик которого прямой, имеет наклепной валик². Поверхность сохранившейся части хорошо заглажена. Чаще встречаются в землянке обломки баночных сосудов, украшенных валиками и выступами-налепами, которые служили, вероятно, ручками-упорами. Примерами могут быть несколько обломков верхней части баночных сосудов³. Венчик одного обломка прямой, ниже венчика на расстоянии 4 см острым предметом по сырой глине нанесены насечки по одной линии, здесь же выступает наклеп-упор или своеобразная ручка. На некоторых обломках наклеплены валики с пальцевыми вдавливаниями и на них же выступают налепы-упоры. Подобные сосуды встречались на Шарповском и других скифских городищах и поселениях.

В хозяйственных ямах встречаются обломки баночных сосудов. Так, в яме № 4 найдено было большое количество железных изделий, каифар IV в. до н. э., монеты Тиры IV в. до н. э.⁴ Вместе с этими находками встречен обломок верхней части баночного сосуда⁵. Край венчика этого сосуда загнут внутрь, венчик прямой. Ниже венчика (на 3 см) наклеплен валик с пальцевыми вдавливаниями и большим наклепом-выступом. В яме № 8 наряду с обломками амфор найдены обломки венчиков лепного баночного сосуда. Венчик прямой, ниже от него (на 4 см) наклеплен наклеп-выступ. Подобная посуда встречена на Шарповском городище, на поселении у Широкой балки.

Отличается от описанных еще один обломок верхней части баночного сосуда⁶. Венчик прямой, под венчиком сквозное отверстие, по-видимому, служившее для скрепления двух обломков. От края венчика на расстоянии 7 см идут по одной линии сквозные круглые отверстия. Сосуд был тонкостенным. Внешняя поверхность хорошо заглажена, внутренняя поверхность сосуда покрыта параллельными полосами, идущими от края венчика до дна. Назначение сосуда не совсем ясно. Аналогий к подобной баночной посуде нами не найдено на других поселениях.

В остатках каменного фундамента (на уч. № 1) ниже от него на глубине 0,95 м снова встречается баночная посуда⁷. Подобная посуда нами описана выше. Чрезвычайно мало было обнаружено обломков баночной посуды на глубине 1 м—2,5 м. Можно, впрочем, указать обломок верхней части лепного баночного сосуда⁸. Венчик прямой, от его края на расстоянии 3 см наклеплен валик, по которому небрежно нанесены пальцевые вдавливания. На валике наклеплен выступ, посредине которого нанесен также пальцевый отпечаток. На глубине 1,6 м найден хорошо залощенный обломок баночного сосуда⁹. Венчик прямой, ниже которого наклеплен валик с пальцевыми вдавливаниями и шипообразным наклепом. На выступе нанесен отпечаток большого пальца. На этой глубине были найдены обломки баночных сосудов с налепами-выступами. Баночная посуда, обнаруженная в ямах и в остатках каменного фундамента, судя по найденным материалам, относится к IV в. до н. э.

Близкая посуда была обнаружена на Надлиманском городище, хотя такой посуды встречаем здесь очень мало. Это единичные обломки верхней части баночного сосуда. От края венчика на расстоянии 2 см наклеплен валик, по которому нанесены пальцевые вдавливания. На валике наклеплен выступ-налеп, посредине которого нанесен пальцевый отпечаток. Наряду с этим были найдены обломки баночных сосудов украшенных валиками с пальцевыми отпечатками, без налепа-выступа, иногда украшенных под венчиком пальцевонотевым орнаментом. Описанная посуда, судя по многочисленным аналогиям и всему найденному материалу в комплексе, относится к IV—III вв. до н. э.

Необходимо отметить баночную лепную посуду, найденную на поселении Кирилловка (Кодымский район, Одесская область). Примером может служить небольшой желтоглиняный сосудик¹¹. Венчик отогнут наружу, стенки цилиндрические, поверхность сосуда заглажена рукой мастера, в некоторых местах на тулове сохранились отпечатки пальцев. Высота сосуда 6 см (рис. 1, 3).

Таким образом, баночная посуда употребляется, начиная с эпохи бронзы вплоть до эпохи развитого железа.

² ОГАМ А—72903.

³ ОГАМ А—72904.

⁴ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, табл. XXVIII, 6.

⁵ ОГАМ А—72932.

⁶ ОГАМ А—72953.

⁷ ОГАМ А—72909.

⁸ ОГАМ А—72938.

⁹ ОГАМ А—72907.

¹⁰ ОГАМ А—72907.

¹¹ ОГАМ А—10209.

ЛЕГЕНДА О «ГИПЕРБОРЕЙСКИХ ДАРАХ» АПОЛЛОНУ И ПУТИ ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Л. А. Ельницкий

К числу наиболее распространенных мифов, связанных со скифским Севером, принадлежит древнегреческая легенда о гипербореях. Это предание, несомненно, культурного происхождения. Оно связано с древнейшими представлениями греков об удалении Аполлона на зимнее время в далекие страны и о его весеннем праздничном возвращении. Празднества в честь солнечного бога предполагали принесение ему даров, и воображение греков создало легенду о том, что эти священные дары происходят из той чудесной страны, где Аполлон проводит зиму. Носителями этих даров были специальные лица — перферы или гиперфоры. К наименованию последних и восходит, по всей вероятности, имя мифического народа гипербореев, не имевшего первоначально твердой географической локализации даже в легендах. Будучи связано с культом Аполлона, это имя встречалось и в Италии, и в Сицилии, и на юго-восточных берегах Средиземного моря, и на дальнем Севере. Именно последняя, т. е. северная, локализация гиперборейского мифа становится в конце концов наиболее распространенной¹.

Если корни легенды о гиперборейском Аполлоне уходят еще в религиозные верования минойского Крита, где и впоследствии один из летних месяцев назывался гиперберетом, то письменная и изобразительная традиция VI—III вв. до н. э. связывает чудесную страну, куда Аполлон удаляется на зиму, со скифским Севером, а народ гипербореев сопоставляется с аримасами, исседонами или агриппеями, мифическими или полумифическими жителями крайнего Севера евразийской ойкумены². Так было уже в VII—VI вв. до н. э., во времена Аристея из Проконнеса, легендарного автора эпической поэмы «Аримаспея». В этом произведении описывалось путешествие Аристея, сына Каистробия, скорее всего, жреца Аполлона и его двойника, в сказочную страну исседонов. По словам Геродота (IV, 13) автор «Аримаспеи» связывал гипербореев с Рипейскими горами (библейский Рифат), которые сопоставлялись греками сначала с Кавказом, а затем с Уралом или вообще с неопределенными северными горами.

История гиперборейского мифа представляет собой заманчивую тему для исследования. В настоящей заметке мы ограничимся анализом одной лишь ее детали. Речь идет о легендарном маршруте, по которому поступали в Грецию «гиперборейские дары» Аполлону. Древнейшие сведения об этом пути «из гипербореев в греки» приводит Геродот (IV, 33). По его словам, эти дары, обернутые в пшеничную солому, шли от скифов к Адрию; о пути их продвижения к побережью Адриатического моря можно только догадываться (судя по позднейшим преданиям, скорее всего по течению Дуная, который, как полагают греки, впадал одним устьем в Черное, а другим в Адриатическое море). От Адрии «гиперборейские дары» передавали на юго-восток к побережью Малийского залива, затем они поступали на о. Евбею и наконец через Карисс на о. Тенос они достигали Делоса, священного острова Аполлона. Подтверждение этой версии о легендарном пути «гиперборейских даров» от берегов Скифии к Делосу находим в более позднее время у Каллимаха. В гимне, обращенном к Делосу, он указывает, что эти священные реликвии достигали неизвестными путями Додону, оттуда направлялись в Малиду и через Евбею попадали на Делос³. Хотя Додона и лежит

¹ К следующему существенному шагу на пути возникновения имени гипербореев привело, вероятно, проникновение греков к берегам Фракии и Северо-Западного Понта. Здесь они познакомились с именем фракийского горного хребта, который еще на рубеже новой эры носил наименование Βογα τεινς (Liv., XLV, 29, 8). Глубокую древность этого наименования, родственного, быть может, славянскому «бор» в смысле «гора», «горный хребет», подтверждает и имя северного ветра Борея, локализованного в качестве мифологического персонажа именно во Фракии. Таким путем было легко прийти к обозначению живущих еще далее к северу народов общим именем гипербореев. См. О. Grusius, Hyperboreer, Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie, hrsg. von W. Roscher, т. I, ч. 2, Leipzig, 1886—1890, стр. 2805 сл.; ср. J. Harmatta, Sur l'origine du mythe des Hyperboréens. AAASH, т. III, вып. 1—2, 1955 стр. 57 сл.

² Antimach., frg. 11'; Hekat. (Schol. ad Apol. Rhod., II, 775); Steph. Byz. s. v. Hyperboreoi, также s. v. Tarkynia; ср. Plin., NH, IV, 34.

³ Kallimach., IV, 292. Связи Додоны с адриатической и дунайской торговлей выясняются отчасти на основании глоссы Асклепиодора в Etym. Magn. s. v. Dōdonaios, где Додона определяется как «гиперборейский» пункт. У Стефана Византийского (s. v. Galeotai) находим сообщение о прибытии в Додону Зевса Галеота, внука гиперборейского царя Забия. Кельтско-фракийские имена этих мифологических персонажей находят себе соответствие в «скифско-амазонских» именах гиперборейских

на сухом пути от Адрии к Малийскому заливу, у Каллимаха нет никакого упоминания об этом начальном, если верить Геродоту, пункте. Это заставляет видеть у Каллимаха нарек на другой вариант легенды, согласно которому предполагается взамен Геродотового маршрута иной, более короткий, — по фракийскому побережью и по долине реки Сперхея к Малийскому заливу. Об этом специально пишет Ш. Пикар в заметке, посвященной занимающему нас вопросу. Он указывает на Энос, важный порт при устье Гебра, где существовал культ Гермеса Перферей. Этот эпитет свидетельствует о сомнительной связи эносского культа Гермеса с гиперборейским мифом и культом Аполлона Гиперборейского⁴. Наконец, третий вариант легендарного маршрута гиперборейских даров был разработан в Аттике. Это предание было связано с культом Аполлона в аттических Праснях; следы его сохранились у Павсания (I, 31), указывающего будто гиперборейские дары передавались через аримаспов, исседонов, скифов и достигали Синопы, откуда они и попадали в Прасии.

Рассматривая эти три маршрута гиперборейских даров, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что они совпадают с направлениями некоторых других реальных и легендарных путей древности. Так, путь по Дунаю в Адриатику был одним из вариантов легендарного пути возвращения аргонавтов — его использовал, как известно, Аполлоний Родосский. С другой стороны, путь из Эноса в Делос является частью пути, проделанного Энеем при его путешествии из разрушенной Трои в Италию⁵. Что касается версии Павсания, то она в своей «скифской» части содержит вторичные переиначивания, — фантастической, но основанной, как это доказано археологически⁶, на реальных данных о караванном пути из Причерноморской Скифии в Приуралье. Наконец, отрезок пути из Скифии в Синоп и далее из Синоп в Аттику был, надо полагать, одним из обычных маршрутов аттических купцов. Но ведь и путь вдоль Дуная к берегам Адриатического моря, и путь от Эноса через Самофраку к Делосу являются мифологическими отражениями древних путей перевалочного судоходства из стран Центральной Европы к берегам Адриатического и Эгейского морей; и пути сложились еще на заре развития европейской торговли⁷.

Мы видим, таким образом, как гиперборейская легенда, возникшая на основе мифов о солнечном божестве, скрывающемся на зиму в северную страну Борея, в своем развитии широко использовала данные реальной географии, торгового мореходства, сухопутных торговых сношений с отдаленными странами фракийского и скифского мира. Мифологическим основанием таких маршрутов служили, с другой стороны, древние культовые связи. Делосские жрецы и мифографы шли по пути, проложенному купцами и мореходами, но использовали и имевшиеся у них сведения культового характера, включая в мифопею местные сказания и имена, Геродот в указанном месте (IV, 33) называет по именам гиперборейских носителей даров: Опис и Аргу, в качестве древнейших посланцев, Гипероху и Лаодику, в качестве участников второго путешествия. Каллимах вместе с Опис или Упис и Аргой, обращенной им в Гекаэргу, называет третью посланницу по имени Локсо (IV, 292). У Павсания эти имена превращены в мужские: он называет Гипероха, Лаодока и Амадока сыновьями Ахилла, владыки Черного моря (I, 44; X, 23). Имена эти могут быть истолкованы как эпитеты солнечного бога, но при этом личное имя Амадок, надежно засвидетельствованное во Фракии⁸, не может быть оторвано от названия племени амадоков, для которого Птолемей приводит ряд топонимических образований — Амадокское озеро, Амадокские горы, населенный пункт Амадока на Днепре⁹. В женском роде эти же имена можно рассматривать как эпитеты Артемиды, служительницами культа которой Геродот называет гиперборейских посланцев, чьи могилы находились внутри храма Афродиты в Делосе. Самый же обычай принесения даров, обернутых пшеничной соломой, Геродот констатирует для культа фракийской Артемиды (IV, 34).

перфереев на Делосе, сохранных Геродотом, Каллимахом и Павсанием (см. ниже) Ср. E. Wiken, Die Ansichten der Hellenen betreffen Norden der Oikoumene vortheas, „ΔΡΑΓΜΑ Μ. Ρ. Nilsson dedicatum“, Lund, 1939, стр. 540 слл.

⁴ Ch. Picard, La route de procession hyperboréenne en Grèce, „Revue de théologie de réligion“, т. 132, вып. 1—3, 1946, стр. 98 слл.

⁵ Л. А. Ельницкий, Легендарная история колонизации Сицилии и Великой Греции. ВДИ, 1947, № 2, стр. 114 слл.

⁶ Б. М. Граков, Чи мала Ольвия торговельні зносини з Поволжям та Приураллям?, «Археологія», т. I, 1947, стр. 23 слл.

⁷ Ср. Л. А. Ельницкий, ук. соч., стр. 120—121.

⁸ W. Judeich, Amadokos (2—3), RE, т. I, 1894, стр. 1713.

⁹ Ptol., Geogr., III, 5, 5—6 и 14; ср. III, 5, 10; V, 8, 16. См. также Plin., VI, 21 и Steph. Byz. s. v. Amadokoi. Томашек толкует имя амадоков как «сыр-яды», «едящие сырое мясо», и сопоставляет их с геродотовыми андрофагами. W. Tomaschek, Amadokoi, RE, т. I, 1894, стр. 1712—1713.

Могилы Гиперохы и Лаодики вместе с относящейся к ней надпись была обнаружена французскими раскопками на Делосе в 1925 г.¹⁰ Раскопки этого памятника показали наличие в качестве древнейшего датирующего материала некоторого количества фрагментов позднеэладской и кикладской керамики и в то же время полное отсутствие каких-либо археологических памятников, которые можно бы было считать свидетельством связей со Скифией и Фракией. Однако, несмотря на это, Ш. Пикар, как и многие ученые, понимает легенду о передаче «гиперборейских даров» из северных стран на Делос буквально и совершенно серьезно называет путь перфереев «самым длинным священным путем в Греции»¹¹.

Вряд ли есть необходимость доказывать нереальность подобных «священных путей», представление о которых возникало и существовало лишь в культовой практике названных выше святилищ Аполлона. Против их исторической реальности свидетельствует их схематичность и их множество. В этих маршрутах реальна только их географическая основа, только самый факт наличия торговых путей на дальний север во время зарождения и распространения гиперборейского мифа. На этой основе создавался легендарный маршрут движения сказочных «гиперборейских даров» делосскому и прасийскому Аполлону; однако сомневаться в том, что этот мифический путь строился по образу и подобию реальных торговых путей, не приходится. Не будет поэтому ничего удивительного, если мы обнаружим в греческих колониях Северного Причерноморья искомое начало гиперборейского маршрута.

В самом деле, культ Аполлона Гиперборейского засвидетельствован в Северном Причерноморье и прежде всего на Боспоре. В Пантикапее находим тот же месяц гиперберет, что и в календаре Македонии и Крита. Название этого месяца позволяет предполагать на Боспоре соответственные празднества и процессии. Кроме того, на известных золотых монетах Пантикапея встречаем изображения грифонов со стрелой Аполлона в клюве: в соединении с изображениями колосьев, т. е. именно те атрибуты, которые имеют самое непосредственное отношение к культу Аполлона Гиперборейского¹². О роли колосьев спелой пшеницы в процессии торжественного несения «гиперборейских даров» упоминалось выше; о значении стрелы солнечного бога Аполлона, символизирующей солнечный луч, сообщает Геродот в рассказе о гиперборее Абарисе (IV, 36); он прошел со священной аполлоновой стрелой весь мир, не нуждаясь в пище, исцеляя от болезней и предсказывая эпидемии и землетрясения; не лишено значения, что в более поздние времена Абариса прямо именуют скифом¹³. Культ этот был широко распространен в Греции, например, в Афинах, а также в городах Южной Италии, где пифагорейцы связывали Абариса со своим учителем¹⁴. Возможно, что этот миф уходит своими корнями еще в идеологические представления минойского Крита; по крайней мере изображение крылатого антропоморфного божества со стрелой в руках относится к числу древнейших символов критского солнечного культа¹⁵.

По-видимому, с культом Аполлона Гиперборейского и с представлением о «гиперборейских дарах» должна быть связываема и историческая традиция, повествующая об участии Делоса в колонизации Херсонеса Таврического¹⁶. В самом деле, о какой реальной колонизации, направленной с Делоса, может идти речь? Ведь этот крохотный островок никогда не имел сколько-нибудь многочисленного населения, по крайней мере такого, которое не было бы так или иначе связано с храмом Аполлона. Но при всем том участие делосцев, пусть почти символическое, в основании Херсонеса имело очень большое значение с точки зрения религиозно-культурных представлений эллинистического мира¹⁷.

¹⁰ Ch. Picard, La Crète et la légende hyperboréenne, „Revue archéologique“, т. XXV, 1927, стр. 94 слл.

¹¹ Ch. Picard, La route de procession hyperboréenne, стр. 109.

¹² А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, табл. XL, 7—11; ср. В. М. Брабич, Об охранительном значении грифонов на монетах Пантикапея, КСИА АН УССР, вып. 9, 1960, стр. 90 слл.

¹³ Himer., Orat. 25; Procop., Epist., 96.

¹⁴ E. Bethe, Abaris (I), RE, т. I, 1894, стр. 16—17.

¹⁵ Например, см. G. Glotz, Civilisation égéenne, Paris, 1950, стр. 293, рис. 47.

¹⁶ Ps. Skymp., 822—827; ср. А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, I, ВДИ, 1938, № 2, стр. 245 слл.

¹⁷ Не исключено, что указание на культ Аполлона Гиперборейского в Херсонесе содержится и в двух votivных надписях римского времени (IOSPE, I², №№ 431—432). В этих надписях названы две знатные херсонеситки, отмеченные еще при жизни высокими почестями, заслуженными, надо полагать, на религиозно-культурном поприще; обе носят одно и то же имя Лаодика. Несмотря на отсутствие прямого указания на жреческое достоинство двух херсонесских Лаодик, с одной стороны, и на сравнительно широкое распространение этого имени со времени позднего эллинизма, мы все же ре-

Из сказанного видно, что культовая легенда, возникшая вокруг святилища Аполлона в Прасиях, имела основания для выведения гиперборейских даров из Скифии, откуда Аттика в V—IV вв. до н. э. получала не меньше половины всего ввозимого хлеба. В связи с этим следует обратить внимание на то, что несмотря на глубокую древность религиозных представлений, связанных с культом гиперборейского Аполлона на Крите и с культом Гиперохии и Лаодики на Делосе, о гиперборейцах как о реальном северном народе мы узнаем сравнительно поздно. Впервые о гиперборейцах в таком смысле говорит поэт Антимах, автор эпической «Фиваиды», он отождествляет гиперборейцев с аримаспами. Следующее упоминание о народе гиперборейцев принадлежит уже упоминаемому Аристею¹⁸.

Локализация гиперборейцев на севере Скифии приходится, таким образом, примерно на VI в. до н. э.; ее необходимо связать с милетской колонизацией Северного Причерноморья. Что же касается времени возникновения легенды о северо-черноморском маршруте гиперборейских даров, то ему, вероятно, должна соответствовать даже более поздняя дата, совпадающая с началом расцвета афинско-пантийской торговли в V в. до н. э. Геродот, как мы знаем, начальным пунктом маршрута называет Адрию; в умах его современников возникли в связи с легендой о гиперборейских дарах еще совершенно иные ассоциации. Современники Геродота думали при этом, по всей вероятности, о тех путях, по которым из полумифических северных стран в Грецию и Италию доставлялся янтарь, торговля которым всегда носила на себе в древности печать легенды. И лишь версия маршрута, сохраненная Павсанием, вместе с теми дополнениями, какие можно внести в нее на основании новейших эпиграфических и нумизматических данных, позволяет уловить реальную связь Скифии и Тавриды (Херсонес, Пантикапей)) через Синопу с Атикой. Этот вариант предания дает законченно представление о пути «гиперборейских даров», символизирующем путь распространения легенды, проложенный по следам реальных культурных и торговых связей греческого мира с миром причерноморско-скифским.

Иногда можно видеть в них жриц богини Девы, главного божества Херсонеса. Но при этом не следует забывать, что древние писатели часто сопоставляли херсонесскую богиню Артемидой, а имя Лаодика, взятое в его, так сказать, гиперборейских связях, является эпитетом Артемиды; могила гиперборейской Лаодики на Делосе находилась, по прямому указанию Геродота, в святилище Артемиды. Вряд ли это могло не быть известным в Херсонесе, основанном при участии делосцев и поддерживавшем в течение ряда столетий тесные культурные связи с Делосом. К тому же имя Лаодика неоднократно упоминается в Херсонесе исключительно двумя указанными надписями.

¹⁸ Antimach., frg. 113; Her., IV, 13—25; Pind., Pyth. X, 30—43

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ИСТРИИ В ПЕРИОД АВТОНОМИИ (по материалам раскопок последних лет)

3. Кондураки

Исследования древней Истрии, начатые выдающимся румынским археологом В. Пырваном более сорока лет назад, были продолжены в последние десятилетия без перерывов и на высоком научном уровне. Эти раскопки ведутся под руководством Академии наук РНР и осуществляются не только в широких масштабах, но и получили новое направление. Если раньше изучались памятники как таковые, то за последние годы когда были начаты исследования на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса, были намечены основные направления в развитии западно-пантийского города Истрии. При этом изучались по мере возможности все периоды развития города и времена его расцвета, и его упадка и привлекались самые разнообразные источники. Современные исследования внесли огромный вклад в понимание сложных социально-экономических процессов и политических событий многовековой истории Истрии, а также способствовали выяснению отношений, существовавших между греческими колонистами и автохтонным населением.

Некоторые результаты и выводы современных исследований были обобщены в первом томе монографии «Истрия», изданной в 1954 г.¹ Более новые данные были опубликованы в последующих томах.

¹ Histria. Monografie arheologică, т. I, 6. м., 6. г., (Bucuresti, 1954); в этом томе обобщены результаты раскопок 1949—1952 гг. (Ср. рецензию П. О. Карышкова, МАСИ, вып. 3. 1960, стр. 279—281.—*Редколлегия*).

кованы в предварительных отчетах, помещенных в специальных периодических изданиях². Краткий очерк истории Истрии содержится и в недавно вышедшем в свет первом томе «Истории Румынии»³. Настоящая статья является лишь небольшой информацией о некоторых результатах работ последних лет.

Совершенно по-новому освещается в настоящее время первоначальный период истории Истрии, время возникновения и развития колонии; эта проблема представляет интерес не только для изучения истории города, но и для изучения истории Румынии в целом. Прежние раскопки были направлены в основном по пути раскрытия сооружений позднего периода жизни города, т. е. эпохи поздне-римской, а исследования первоначального периода развития Истрии производились исключительно на основании материала, добытого путем шурфования в трех пунктах внутри акрополя⁴. Само собою разумеется, что добытый таким способом керамический материал позволил сделать выводы лишь гипотетического порядка. Однако большая часть керамики из акрополя датируется последними двумя десятилетиями VII в. до н. э.

Большой вклад в изучение древнейшего периода Истрии вносят исследования, произведенные на плато, расположенном в 600 м к западу от акрополя, где, начиная с 1957 г., стратиграфически были изучены следы жизни архаической эпохи (VII—VI вв. до н. э.). Основные результаты этих исследований обобщены в статье, опубликованной во втором томе журнала „Dacia“⁵. Следует также добавить, что проведенные в последнее время геологические исследования территории города Истрии внесли немаловажный вклад в понимание условий жизни милетских колонистов в наиболее раннюю эпоху существования поселения.

Самый древний из жилых горизонтов, прослеженных стратиграфически, датируется благодаря ионической керамике концом VII и началом VI в. до н. э.; здесь найдены фрагменты амфор и ангобированных мисок, а также чаш с геометризованным орнаментом (типа, входящего во вторую группу восточной греческой керамики). Таким образом, археологический материал ни стратиграфически, ни типологически не позволяет отнести возникновение колонии Истрии к 656 г. до н. э., т. е. к дате, указанной Евсевием⁶. Действительно, еще в 1954 г. Э. Кондураки счел необходимым снизить дату основания города, связывая при этом наиболее древний керамический материал с временем существования эмпория, предшествовавшего возникновению города⁷. С некоторыми изменениями эта гипотеза подтверждается результатами последних раскопок. Помимо того, в середине VII в. до н. э. не может идти речь о возникновении города, так как исторические условия на берегах Понта и положение Милета в этот период, когда на огромной территории распространилось киммерийское влияние, не позволяли милетянам основать поселение близ устьев Дуная. Наличие спорадически встречающихся материалов третьей четверти VII в. до н. э. и относительно более многочисленных находки керамики, относящейся к предпоследнему десятилетию VII в. до н. э., естественно заставляют предполагать существование в это время лишь эмпория, временной торговой фактории, которая могла бы обеспечить установление первых контактов между милетянами, осевшими на берегу моря, к югу от устьев Дуная, и автохтонным населением внутренних районов Нижнего Подунавья, или, говоря точнее, прежде всего с племенной военной аристократией, как это имело место в других греческих колониях, на побережье Черного моря⁸.

Существование эмпория было недолгим. Тот факт, что первый архаический слой, датируемый 610—580 гг. до н. э., органически связан с двумя последующими слоями как

² Em. Condurachi si colaboratori, Santierul arheologic Histria (1953), SCIV, т. 5, № 1—2, 1954, стр. 69—122; те же, Santierul arheologic Histria (1954), SCIV, т. 6, № 3—4, 1955, стр. 515—557; те же, Santierul arheologic Histria (1955), MCA, т. 4, 1957, стр. 9—101; D. M. Pippidi si colaboratori, Raport asupra activitatii santierului Histria in campania 1956, MCA, т. 5, 1959, стр. 283—328; Em. Condurachi si colaboratori, Santierul Histria (1957), MCA, т. 6, 1959, стр. 265—306; те же, Santierul arheologic Histria (1958), MCA, т. 7, 6. г. (1960), стр. 227—271.

³ Istoria Romaniei, т. I, Bucuresti, 1960, стр. 165—212 (ср. Т. В. Блаватская, Западнопантийские города в VII—I веках до нашей эры, М., 1952.—*Редколлегия*).

⁴ M. Lambrino, Les vases archaïques d'Histria, Bucuresti, 1938; он же, La céramique d'Histria, „Dacia“, т. III—IV, 1927—1932, стр. 362 слл.

⁵ S. Dimitriu et M. Coja, La céramique archaïque et les débuts de la cité pontique d'Histria, „Dacia“, нов. серия, т. II, 1958, стр. 69—92.

⁶ Euseb. Chron., ed. Schoene, Berolini, 1866, т. II, стр. 86—87.

⁷ Histria, т. I, стр. 17.

⁸ A. A. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 18 слл., 34 слл. и др. (Ср. В. Ф. Гайдукевич, История античных городов Северного Причерноморья, АГСП, т. I, М.-Л., 1955, стр. 23—30; Т. В. Блаватская, укач., стр. 13—52.—*Редколлегия*).